

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В МИРЕ КООПЕРАТИВНОЙ ЭТИКИ

С. А. Никитин

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. Исходя из современного утилитаризма правил, статья рисует картину воплощения нравственности в незаметной повседневной вежливости и в воздержании от проявлений неучтивости. Цель статьи — показать, что такое представление о нравственности восходит к спорам о взаимных отношениях справедливости и благожелательности времен Хатчесона, Юма, Смита и Бентама. Справедливость воздаяния за содеянное автоматически устанавливается в сфере экономики и искусственно создается в сфере политики, утверждая в обеих сферах приоритет реальности над воображением и общественного над индивидуальным. Благожелательность казалась классикам этики либо причиной установления отношений справедливости, либо вовсе сомнительной и ненужной. Классики ушли, но и в наш неклассический век нравственное поведение остается всего лишь пикантной приправой получения прибыли и победы на выборах.

Ключевые слова: повседневность, нравственность, справедливость, польза, благожелательность

INDIVIDUAL ACT IN THE WORLD OF THE COOPERATIVE MORALITY

Sergey Nikitin

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. The contemporary consequentialism gives us rather sad picture of the everyday moral life, which is reduced to the simple and imperceptible politeness and to the conscious abstention from discourtesy and rudeness. The aim of this article is to show the lasting tradition of such an understanding of the morality in classical British moral philosophers. Their discussions concerning justice and benevolence show us that justice in the form of the «invisible hand»

rules the economic sphere where benevolence is only unnecessary supplement to the general activity of the tradesmen. At the same time democracy of the political parties turned into the dictatorship of the party councils and convents. That's why our only possible individual moral activity is everyday politeness.

Key words: everyday life, moral, justice, benefit, benevolence

Генри Хэзлитт, разрабатывая вариант утилитаризма правил (или консеквенциализма правил) в этике, писал, что системе этики, изложенной в его книге «Основания морали» (1964), следовало бы дать имя «мутуализм», поскольку она описывает настрой, необходимый для того, чтобы живущие рядом люди способствовали выживанию друг друга, или, еще лучше, «кооперативизм», поскольку она описывает необходимые для взаимного выживания действия и правила действий [6, с. 112–114]. При этом кооперативизм предлагается рассматривать как не слишком бросающуюся в глаза и вполне повседневную форму поведения людей. «Суть нравственности — общественное сотрудничество. А нравственность... дело повседневное, даже ежедневное, а отнюдь не такое, о котором нам нужно думать лишь изредка, в моменты возвышенные и героические» [Там же, с. 381]. Соблюдение морального кодекса «выражается в том, что люди воздерживаются от мелких проявлений пренебрежения и неучтивости и оказывают друг другу непритязательные любезности и скромные услуги» [Там же]. Это скромное воплощение великого принципа «наивысшее счастье наибольшего числа людей», впервые примененного, по видимому, Джозефом Пристли, а затем использовавшегося Иеремией Бентамом, возвращает нас к давним спорам о соотношении принципов благожелательности (или симпатии и антипатии) и справедливости.

Когда Энтони Эшли Купер, лорд Шефтсбери, ввел понятие «морального чувства», он открыл возможность соединить аргументацию с позицией здравого смысла, или «*sensus communis*» (общего чувства), с индивидуалистическими системами гедонизма и эпикуреизма, объясняющими человеческие поступки противоположным влиянием удовольствий и страданий. Его последователь Френсис Хатчесон определял «моральное чувство» как «предопределенную способность нашего духа воспринимать приятные или неприятные идеи действия, когда они представлены нашему наблюдению,

предшествующую любым мнениям о выгоде или потере, которые следуют из них для нас самих» [5, с. 144]. Если Хатчесон еще предполагал, что не бросающиеся в глаза вред и польза выводятся из очевидных неприятных и приятных идей, то следующее поколение британских сенсуалистов исходило из того, что противоречие между пользой (и связанной с ней социальной справедливостью) и благожелательными отношениями между людьми конституирует человеческие общности.

В истории нравственной философии особую позицию Юма определяет его интерес к реальности: тогда как «большинство моралистов... занимались определением того, *что должно быть*», Юм интересовался «тем, *что есть*» [8, р. 12]. Он полагал, что исследование морали может рассчитывать на успех, «только следуя экспериментальному методу и выводя общие принципы из сравнения частных случаев». По словам Юма, при использовании в нравственных науках этот «очень простой метод» предполагает анализ «комплексов душевных качеств, которые образуют то, что в повседневной жизни мы называем *личным достоинством*», и исследование «каждой привычки, чувства или способности, которые, будучи приписаны какой-либо личности, вызывают либо похвалу, либо порицание» [7, с. 183]. Экспериментальный метод исследования морали не только допускает, но и использует во благо осознанный субъективизм исследователя, включенного в те самые взаимоотношения, которые он стремится описать. В ходе исследования типических ситуаций Юм приходит к теории социальных добродетелей — благожелательности и справедливости.

Многочисленные примеры, замечает Юм, свидетельствуют «о всеобщей благожелательности человеческой природы при отсутствии *реального* интереса, который связывал бы нас с данным предметом». Благожелательность труднообъяснима, поскольку, вполне реальная в своих проявлениях и следствиях, пристекает она из чистого воображения: «каким именно образом *воображаемый* интерес, известный и признанный в качестве такового, может быть источником какого-либо аффекта или эмоции, это, по-видимому, трудно объяснить» [Там же, с. 295]. Ученик Хатчесона и друг Юма Адам Смит утверждает, что способность к сочувствию, симпатия

связывают людей в общество. Симпатия позволяет уверенно и в основном правильно ориентироваться в реальности, поскольку она «рождается в нас гораздо менее созерцанием страстей, нежели созерцанием ситуации, их возбуждающей» [4, с. 34]. Преодолевая границы, воображение поднимает симпатию до уровня *универсальной благожелательности*: поскольку мы можем воображением переноситься на место практически любого человека, «наша добрая воля не стеснена никакими границами и может охватить всю вселенную» [Там же, с. 231], так что мы испытываем теплые чувства по отношению к людям, совершенно нам незнакомым и обитающим где-то за краем земли.

Но если, рассматривая благожелательность или симпатию, приходится поражаться и собственной склонности к совершению добрых дел, и мощи своего воображения, то справедливость легкообъяснима, поскольку предстает сложной системой правил, изменяющихся в зависимости от ситуации применения, но всегда способствующих получению чего-то полезного для себя самого. «Правила воздаяния по заслугам, или справедливости, всецело зависят от частных положений и условий, в которых находятся люди, и обязаны своим происхождением и существованием той *полезности*, которая проистекает для народа от их строгого и неуклонного соблюдения» [7, с. 194]. Справедливость, в отличие от бескорыстной благожелательности, полезна, а потому ей предшествует рассмотрение полезности. Легко понять, что индивид способен чувствовать то, что для него полезно, и даже если его чувства обманывают его, он будет стремиться к тому, что переживается как полезное. Но как соотносятся полезное для индивида и для целого народа?

Простая справедливость, возможно, отрицательная добродетель, ведь, по словам Смита, она состоит «только в том, чтобы не делать другому зла» [4, с. 97]. На ее основе созданы священные законы справедливости, охраняющие в первую очередь «жизнь и личность», во вторую очередь — «собственность и имущество» и в третью очередь — «взаимные обязательства граждан» [Там же, с. 99]. Действие священных законов справедливости смягчается тем порядком взаимных отношений между людьми, что установлен симпатией и антипатией.

Комментаторы порой усматривают расхождение между Юмом и Смитом в том ограничении значения полезности, которое характерно для нравственной философии последнего. В самом деле, Смит пишет: «Я остаюсь при мнении, что первая и главная причина нашего одобрения или неодобрения не вытекает из сознания того, что может быть нам полезно или вредно» [4, с. 188–189]. Но Смит вполне допускает, что может существовать своекорыстное единство людей, связанных друг с другом одной лишь пользой: «Общество... может поддерживаться при содействии корыстного обмена взаимными услугами, за которыми всеми признана известная ценность» [Там же, с. 101]. В таком обществе, где каждый становится купцом, вступает в действие знаменитая «невидимая рука» рынка. Как известно, Смит употребил это выражение в одном и том же смысле лишь дважды и, по-видимому, особого значения ему не придавал, в отличие от многочисленных продолжателей и комментаторов, усилиями которых образ «невидимой руки» сделался и огромным, и зловещим.

Порядки благожелательности и справедливости, даже если они дополняют друг друга, рождаются из разных оснований и связаны с разными областями человеческой деятельности и разными способностями людей. Это различие вызвало жесткую критику симпатии и антипатии Иеремией Бентамом [1, с. 21–30]. «Экономическая деятельность, в отличие от более общей сферы “моральных чувств”, основанных на *симпатии*, является единственным видом человеческой деятельности человека, требующим в качестве мотива только эгоизм. Преследуя исключительно свои частные интересы, люди волей-неволей работают ради общего блага, тут-то и вступает в действие знаменитая “Невидимая рука”... Как если бы Бог нам говорил: “Не бойся, дитя мое, открыто нарушать мои предписания. Я так все устроил, что тебя оправдают, даже если ты не будешь соблюдать нормы морали в этом особом случае”» [2, с. 79]. Что ж, Бог простит каждого и всякого, превращающегося в купца в своих отношениях с ближним и забывающего о своей симпатии к нему, поскольку только таким образом создается то, что полезно для всего общества.

На вопрос о том, как единственно известная из опыта и доступная моральному чувству частная польза становится общественной

пользой, можно дать три разных ответа, которые «образуют три логически различных и, возможно, несовместимых доктрины», известных Юму и более или менее подробно рассмотренных им. Первый ответ связывает между собой справедливость и благожелательность и ведет к формулировке «принципа слияния интересов»: благожелательность позволяет понять ближнего настолько хорошо, что его интересы становятся своими собственными. Второй ответ приводит к «принципу естественной гармонии интересов»: эгоистические интересы индивидов стихийно уравниваются, поскольку несоизмеримость потребностей человека с его способностями вынуждает его к общественной жизни. Третий ответ предполагает введение «принципа искусственной гармонизации интересов» [8, р. 13], возлагающего на законодателя заботу об объединении частных интересов в общественный. Третий принцип не только возвращает нас к политической философии Томаса Гоббса, но и описывает партийное строительство XIX и любого последующего века: партийный комитет, презрев любые рассуждения о внимании к мнению ближнего, формирует единую линию партии [3, с. 131–148]. Принцип справедливости, опирающийся на мнения об общественной пользе, захватывает сферы экономики и политики, оставляя всем проявлениям подлинно индивидуального малозаметную повседневную сферу взаимной вежливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998.
2. *Дюмон Л.* Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М. : NOTA BENE, 2000.
3. *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.
4. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М. : Республика, 1997.
5. Эстетика / Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. М. : Искусство, 1973.
6. *Хэзлитт Г.* Основания морали. М. : Мысль, 2019.
7. *Юм Д.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2.
8. *Halévy E.* The Growth of Philosophic Radicalism. L. : Faber and Faber, 1972. XL.